

Вернувшись домой, Чжун Цинжань услышал шокирующую новость: прошлой ночью глава клана случайно испортил картину, которая стоила немало денег. В гневе он отругал всех слуг, но этого ему показалось мало. Сегодня в доме старшей ветви все слуги ходили на цыпочках, боясь лишний раз попасться на глаза второму старейшине, если тот не позовет их сам.

Чжун Цинжань лишь усмехнулся, услышав это, и не придавал происшествию особого значения.

— Тук-тук.

— Войди.

— Саньгэ, посмотри, что я сделала. Красиво? — Чжун Цинь закрыла за собой дверь, спрятав руки за спину. Подойдя к Чжун Цинжаню, она вдруг вытащила их, с гордостью подняв вверх, словно предлагая сокровище, и с явным ожиданием похвалы.

Чжун Цинжань с серьезным видом взял поделку в руки, внимательно осмотрел ее и понял, что это один из тряпичных игрушечных золотых поросят, которые он недавно попросил сделать старшую сестру и четвертую сестренку. Форма была узнаваема, но швы, сделанные Чжун Цинь, оказались кривыми, да и цвет ткани не совпадал. Однако сочетание было довольно оригинальным и забавным.

Погладив Чжун Цинь по голове, он похвалил ее за креативность:

— Это очень интересно. Когда ты немного улучшишь свои навыки шитья, сможешь делать такие игрушки сама.

Помедлив, он вдруг заметил несоответствие:

— Эта игрушка довольно сложная, а ты только недавно начала учиться шить. Почему ты взялась за нее? Я помню, среди образцов были и более простые варианты, подходящие для тебя. Почему ты не выбрала их? Сколько уже сделала старшая сестра?

Чжун Цинь почесала голову, радуясь похвале брата, но не зная, как ответить на его вопросы. Она слегка опустила голову и тихо проговорила:

— Саньгэ, этот поросенок гораздо симпатичнее, чем те, что в свинарнике. Я сразу влюбилась в него, а на остальные даже не смотрела.

Ее голос становился все тише, пока не превратился в едва слышное жужжание. Однако, когда она заговорила о Чжун Синь, тон снова стал нормальным:

— Старшая сестра тоже делает их, и у нее получается гораздо лучше, чем у меня. Но она тратит на это не так много времени, так как большую часть дня вышивает платочки и кошельки. Я редко бываю рядом с ней, поэтому не знаю, сколько она уже сделала. Может, я потом спрошу ее?

— Не надо, это не срочно. Если тебе нравится этот золотой поросенок, попробуй сделать его из ниток для плетения. Достаточно, чтобы он был размером с твою ладонь.

Чжун Цинжань лишь дал совет, но сам не стал что-то делать, так как не умел. Он знал об этом из того, что видел раньше, а также из собственных набросков. Если получится — хорошо, если нет — тоже не беда.

Чжун Цинь с радостью согласилась и, подпрыгивая, ушла. Это было именно то, что она хотела. Семья Чжун не была богатой, и у Чжун Цинь было ограниченное количество ткани, большую часть которой она уже использовала для поросенка. Ниток для плетения у нее было в избытке, но это оказалось гораздо сложнее, чем шитье из ткани. Чжун Цинь нахмурилась, чувствуя себя не слишком уверенно.

К счастью, нитки можно было использовать повторно, и если что-то не получалось, можно было расплести и начать заново. В следующие несколько дней девочка увлеченно занималась плетением поросенка. Узнав об этом, Чжун Цинжань восхитился ее упорством и щедро похвалил, что еще больше вдохновило Чжун Цинь.

Узнав, что завтра ему предстоит отправиться с дедушкой Чжуном в уездный город Пинъян, Чжун Цинжань сел на кровать, открыл денежный ящик и высыпал все медные монеты на расстеленную старую ткань, чтобы пересчитать их одну за другой.

В современном мире Чжун Цинжань никогда не испытывал интереса к пересчету монет, но, оказавшись в эпоху Великой Чжоу, он с удовольствием занялся этим. Видя, как он постепенно превращается в скрягу, Чжун Цинжань часто напоминал себе, что эта привычка, хоть и кажется милой, ему самому не слишком нравится.

Большую часть заработанных за эти дни денег он отдал госпоже Тун, и его ежедневный доход был ненамного выше, чем у Цзянь Минъюя. Из-за этого дедушка Чжун и его жена весь день улыбались, что заставляло окружающих думать, будто в семье Чжун произошло что-то радостное. Однако на вопросы они отвечали уклончиво. Даже госпожа Тун, которая любила хвастаться, понимала важность сохранения секретов, особенно когда дело касалось денег.

Это было заслугой самого Чжун Цинжаня. Учитывая его положение в глазах дедушки и бабушки, если бы он захотел скрыть доход, старики бы лишь помогли ему это сделать. Такова была суровая реальность, и не только в семье Чжун. Где бы то ни было, власть принадлежала тому, кто ею обладал, и люди, будучи подверженными эмоциям, часто действовали в своих интересах. Пока это не заходило слишком далеко, семья могла продолжать существовать.

В каждой ветви семьи Чжун были свои предположения о том, сколько денег было у дедушки Чжуна, но точной информации не было. Это создавало почву для манипуляций, и неудивительно, что в каждой семье были свои разногласия. Семьи, где не было ни единого конфликта, встречались крайне редко.

Пересчитав монеты, Чжун Цинжань убедился, что их количество совпадает с предыдущим разом — всего их оказалось более шестисот. Большая часть этих денег была сбережениями прежнего владельца тела. Обычные карманные деньги тратились сразу, а эти несколько сотен монет были накоплены за несколько лет благодаря новогодним подаркам.

С госпожой Тун в качестве опоры госпожа Мин не могла вытянуть из Чжун Цинжаня ни единой монеты. Прежний владелец тела был расточительным, тратя деньги сразу после их получения, но новогодние подарки он почти не трогал, что теперь пошло на пользу Чжун Цинжаню. Он не видел ничего зазорного в использовании вещей прежнего владельца, так как взял на себя его обязанности и ответственность, а значит, имел право и на его привилегии.

Подумав, Чжун Цинжань взял небольшую часть монет, а оставшиеся шестьсот вернул в денежный ящик. Медные монеты были довольно тяжелыми — одна связка весила около восьми-девяти цзиней. Если бы он взял все, ему пришлось бы нести их в корзине за спиной. В эпоху Великой Чжоу медные монеты были одновременно и радостью, и обузой. Кто-то мечтал о

них, но не мог получить. Чжун Цинжань сам посмеялся над этим. Денежный ящик он обнаружил только после того, как вылечил ногу, и тогда был в восторге. Сейчас он уже не испытывал такого азарта, но каждый раз, пересчитывая деньги, чувствовал радость от того, что держит их в руках.

Ночь прошла спокойно.

На следующее утро Чжун Цинжаня разбудили рано. На этот раз, в отличие от прошлого раза, семейная повозка была занята, и ему с дедушкой Чжуном пришлось отправиться по реке Цинхэ. Время отправления судов было фиксированным, и если бы они опоздали, пришлось бы ждать следующего рейса, что заняло бы слишком много времени.

Плывя по течению, они добрались быстрее, чем на повозке, и прибыли в Пинъян как раз в самый разгар рыночной суеты. Однако дедушка Чжун не был заинтересован в этом, и сначала повел Чжун Цинжаня в академию, чтобы навестить младшего сына.

Академия была не тем местом, куда мог зайти любой желающий. Когда они прибыли, ученики были на занятиях, и их остановили у входа. Только после окончания первого урока сторож послал за Чжун Чжэнсином.

— Отец, что случилось?

Чжун Чжэнсинь выглядел типичным ученым, одетым в длинный халат из тонкого хлопка. Как и Чжун Цинжань, он никогда не работал в поле и не занимался физическим трудом, поэтому казался немного хилым. С тех пор как Чжун Цинжань оказался в эпоху Великой Чжоу, это было лишь его второе знакомство с младшим дядей, и он с любопытством разглядывал его. Внешность Чжун Чжэнсиня была впечатляющей, и если бы он действительно смог сдать экзамен на сюэя в следующем году, это бы оправдало все усилия семьи Чжун.

Однако Чжун Цинжань не знал, какие планы были у его дяди. Если бы он полностью посвятил себя подготовке к экзаменам, то, судя по прежнему положению семьи Чжун, они бы не смогли содержать его долго. Сейчас же, когда дела семьи улучшились, все зависело от решения дедушки Чжуна. В таких вопросах Чжун Цинжань не мог высказывать свое мнение, и все решалось исключительно дедом.

— Цинжань хочет купить книгу по травам, а также красители и письменные принадлежности. Я пришел спросить, в какую книжную лавку лучше отправиться.

Чжун Чжэнсинь вдруг опустил голову, внимательно осмотрев племянника. Он был удивлен: Цинжань проучился в клановой школе всего три года, а затем бросил учебу. Для других это было бы заветной мечтой, но он отказался от этого без сожалений. Если бы у него не было способностей, это можно было бы понять, но Цинжань, хоть и не был гением, вполне мог сдать экзамен на сюэя, если бы попытался несколько раз.

Тогда госпожа Мин долго сокрушалась по этому поводу, но раз прежний владелец тела не хотел учиться, никто не мог его заставить. Разве дедушка и бабушка стали бы принуждать его? Они бы не смогли. Убедившись, что он действительно не интересуется учебой, они оставили его в покое. Хотя они и не говорили об этом, тогда они были очень расстроены. Оба мечтали, что их любимый внук однажды добьется успеха на экзаменах, но раз он сам не хотел, пришлось смириться. С тех пор прошло несколько лет, и дедушка с бабушкой уже могли относиться к этому спокойно, хотя сожаление все еще оставалось.

Чжун Чжэнсинь не знал, стоит ли ему радоваться тому, что племянник сам покинул клановую

школу. В противном случае, он не был уверен, что семья смогла бы содержать двух учеников, и не пришлось бы лишать его возможности учиться.

<http://bllate.org/book/16837/1548067>